

Известия. — 1998. — 25 февр. — с. 8. Сыграть роль Ленина проще, чем председателя СТД

Интервью с Александром КАЛЯГИНЫМ накануне театрального фестиваля «Золотая маска»

Он подчеркнуто скромно, неизменно обаятелен и отличается мягкой предупредительностью. Последнее качество для популярных артистов нехарактерно — а ведь перед протагонистом «Прохиндида» однажды чуть было не вытянулся сам Брежнев! Генеральный секретарь спутал калягинского Ленина и самого Калягина, и по огромному залу МХАТа имени Горького разнесся нечленораздельный бас: «Это Владимир Ильич! Надо приветствовать?..». Суслов успел схватить генсека за локоть, одной театральной легендой стало больше, но за предназначение это никто не принял. А зря — прошло немного времени, и Калягин сам стал большим начальством, и к тому же возглавил театр, расположенный не где-нибудь, а на Новом Арбате.

Имя артиста замелькало под разного рода политическими обращениями, те, кто знал Калягина раньше, стали поговаривать, что он сильно изменился. Лет семь назад один умный человек сравнил его с котом Леопольдом, который гуляет сам по себе.

Теперь «Леопольд» возглавил Союз театральных деятелей (подумать только, в этом же кресле когда-то восседал грозный и недоступный Михаил Иванович Царев, непотоптанный в ЦК КПСС!). На шее у него многочисленные проблемы основательно обнищавшего СТД — главной надежды экономящих каждую копейку театральных пенсионеров. А на носу фестиваль «Золотая маска», единственный в нашей стране национальный театральный конкурс, который откроется 25 февраля.

— Александр Александрович, скажите, с какими проблемами вы столкнулись при подготовке фестиваля?

— Проблема в том, что богатые люди менее охотно, чем прежде, дают на него деньги...

Но самое неприятное, что Министрство культуры так и не переключило нам средства, и мы не уверены, что сможем оплатить приезд и проживание театров. Да и перед жюри встанет тяжелая проблема: все номинанты очень сильные, и среди них надо выбрать лучшего... Но это уже его дело.

— Я вижу, вы очень уверенно чувствуете себя в новой роли. Значит, вы действительно изменились? В свое время о вас писали, что от Любимова Калягин ушел, от ефремовской ласки уклонился и в стае не ходит...

— Не ходил, не хожу и, видимо, ходить уже не сумею. Честно говоря, я вообще не люблю общаться с людьми — особенно с теми, кто меня подавляет. (Исключение я делаю лишь для втайне влюбленных в артиста диктаторов-режиссеров). Мне мила атмосфера внутреннего расслабления, нирваны, общества людей, которые меня понимают. Внешние обстоятельства моей жизни меняются, но я до сих пор гуляю сам по себе. Я уверен, что в театре надо работать с ощущением, что ты все время можешь из него уйти, я не верю, что счастье только в работе. (С куда большим успехом его можно найти в созерцании). Чувство свободы надо сохранять всегда — и в работе, и в любви, и в карьере; только тогда вы будете легко и радостно жить.

Организационная суеда для меня крайне мучительна. Эпопея по выбиванию здания для театра стоила мне инфаркта. Когда в кабинет входила тетка Чарлея, начальство светлело — и каменело, как только речь заходила о деле. И я отправлялся в другие коридоры, стучался в другие двери.

— В свое время Калягин не стал государственным артистом, даже сыграв роль Ленина...

— Я и в партию не вступил, хоть меня очень звали.

— А потом вы вошли в движение «Наш дом — Россия», оказались доверенным лицом Ельцина. Калягину — счастливому обладателю театрального помещения на Новом Арбате пришлось-таки стать частью истеблишмента?

— Нет, нет и нет! Я отчасти стал чиновником — председателем СТД и художественным руководителем театра. Но в пятьдесят пять душу не переменяешь — каким я был, таким и остался. Ельцина я поддерживал потому, что мне нужен хоть какой-то порядок, а то, что из коммунистов сделали пуга-

ла, мне, поверьте, не нравилось. Я в политические игры не играю, но для моего дела нужна солнечная погода.

— Я гляжу на больших артистов, организующих собственные театры, — Калягина, Джигарханяна, Табакова — и развожу руками: зачем вам это нужно? Свой театр понадобился вам потому, что вы что-то недополучили или сами недодали?

— Не могу сказать, что я днем и ночью бредил идеей собственного театра. Но тут многое совпало... Во-первых, я всегда этого хотел. Во-вторых, чувствовал ответственность перед учениками. С третьей же стороны, я был неудовлетворен своим положением во МХАТе... Ушли режиссеры, с которыми я работал, рухнуло кино, наполовину готовая картина, в которой я снимался, так и не была закончена, свой театр в этой ситуации был выходом.

Ну и, наконец, мне надоело плыть по течению. С годами артист все больше начинает думать о зарплате. Но ведь в профессию мы приходим не за этим! Надо жить так, чтобы не было стыдно смотреть в глаза своим детям...

— Тем не менее вы по-прежнему остаетесь мхатовским человеком — там вы работаете по контракту. Что происходит с Художественным театром в канун его столетия? У стороннего наблюдателя ощущения остаются весьма сложные.

— Через вашу газету я хочу обратиться ко всем, кто пишет о театре, с огромной просьбой: давайте пойдем нынешний МХАТ! Из Художественного театра ушли режиссеры, а смены нет, с режиссурой у нас всегда были проблемы. Болезнь не позволяет Олегу Николаевичу Ефремову заниматься театром так, как в былые времена, когда он дневал и ночевал во МХАТе. Думаю, что на душе у него сейчас нелегко. Он все отдал театру: сначала поднял «Современник», потом на своих плечах вытащил МХАТ... О том, что в свое время туда невозможно было попасть, сегодня почему-то забывают.

Каждое дело имеет начало и конец, и начало коренится в конце. Во МХАТе идет нормальный биоло-

гический процесс, процесс перехода в новое качество... Не забывайте о том, что его труппа пополняется интересными молодыми актерами, которые жаждут работы.

— А где же молодая режиссура?

— И верно, где она? Я отлично понимаю, что сегодняшний театр должны создавать сравнительно молодые, отдававшие советской ментальности и сумевшие перейти в новое духовное состояние люди. Но я их не вижу. Прекрасные провинциальные режиссеры, приезжая в Москву, делают очень средние спектакли — здесь совсем другая аура, другой темпоритм жизни. А молодые, учившиеся мастерству в столице, выпускают одну-две любопытные работы, но мастеров нет. Режиссура странная профессия, состояться в ней можно только после тридцати. Женщины становятся женщинами лишь после родов, режиссер режиссером тогда, когда он истрепал свое сердце...

— Я помню, как в СТД, в том кабинете, где мы сейчас говорим, сидел Михаил Александрович Ульянов, председатель колхоза, директор завода, боевой генерал. На челе у него отражалась тяжелая дума, за плечами вставали тени гибнущих здравниц СТД и разваливающихся фабрик театральных принадлежностей. Было видно, что он могучим усилием держит всю эту машину на своих плечах, и его, и союз было невыразимо жалко... Сейчас в кресле Ульянова расположился эlegantный, расслабленный, любящий нирвану Калягин — выживет ли СТД?

— А куда он денется? Угробить союз можно (к примеру, непомерными налогами), но сам он поминать не собирается. За последний год было многое сделано — при помощи правительства Москвы мы организовали, к примеру, благотворительный фонд «Бенефис», который уже начал помогать театральным пенсионерам. СТД по-прежнему встает на ноги: идет работа над медицинскими и социальными программами, театральный фонд раскрыл наши фабрики, дома отдыха перестали быть

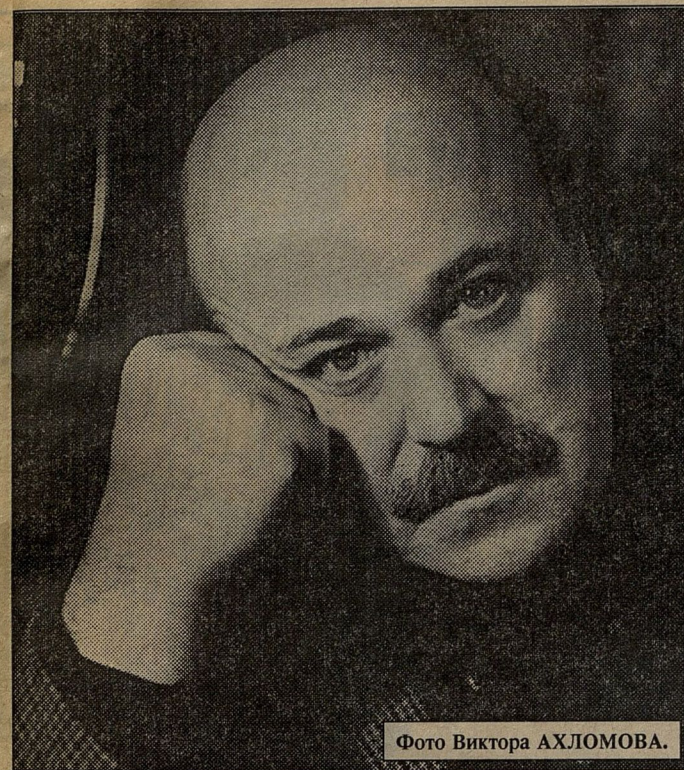

Фото Виктора АХЛОМОВА.

обузой и начали помогать СТД... Мы предоставили им частичную самостоятельность, они сами стали распоряжаться каким-то процентом путевок, и за счет этого у них появились деньги на развитие и на ремонт... Так что корабль плывет.

— От вашей биографии остается ощущение ровного, стабильного, все время прибывающего благополучия. Детская мечта о театре, Щукинское училище, успех на сцене, успех в кино, собственный театр, пост председателя СТД...

— Ох, не сглазьте.

— Неужели вы нарушите правила игры и не скажете, что на самом деле живете с раной в душе?...

— Нет уж, увольте — я не могу произносить такой текст на голодный желудок. Все у меня нормально, и обстоятельствам я не поддаюсь. А проблемы мои связаны с тем, что по гороскопу я Близнец, ярко выраженный Близнец по характеру, и, следовательно, мне присуща внутренняя раздвоенность. Я всегда решал проблемы, которые сам же себе и создавал. Лен, недомыслие, недостаток мудрости, неумение отнестись к неудаче с юмором... Все это сильно портит жизнь. Выручает то, что по году я Лошадь, и умею тянуть свой воз. Даже если дела выглядят совсем безнадежно, я пытаюсь с ними справиться.

— Вы что-то репетируете, ставите, собираетесь снимать?

— Сейчас я сыграл в своем театре в «Смуглой леди сонетов», там же начинаю репетировать новую пьесу Ксении Драгунской — «Навсегда, навсегда», очень занятную абсурдистскую комедию. Буду репетировать со Стурца, Галиным, Романом Козаком. На «Мосфильме» буду ставить политическую комедию по сценарию Анатолия Гребнева, и там же сыграю главную роль.

— И последний вопрос. Вы не боитесь, что повторится прошлогодний скандал, который сильно испортил впечатление от «Маски»?

— В прошлом году провалилась лишь финальная церемония, — мирозвевская идея «похорон театра в XX веке», увы, оказалась бредом. В этом году мы готовим церемонию загода и сделаем все, чтобы она прошла хорошо. А если вы имеете в виду поднятый некоторыми критиками шум из-за того, что главную премию получил Омский театр, то, на мой взгляд, они повели себя не вполне прилично. Москвичам негоже считать провинциальных коллег профессионалами второго сорта, скорее, у них должен быть комплекс вины перед провинцией...

Алексей ФИЛИПОВ,
«Известия».